

Дэнісу

ГЛАВА 1

Мне достаточно всего раз пройти по дому — и я больше узнаю о его обитателях, чем узнает психиатр за все свои сеансы. Помню, я однажды в шутку так и сказала доктору Питеру Ньюболду, который снимает кабинет над моей конторой.

«Когда возьмешь следующего пациента, — предложила я, — я проберусь в его дом. Ты будешь набрасывать заметки о его истории, снах и что там еще, — а я посвечу фонариком на чердаке, открою несколько шкафов и одним глазком загляну в спальни. И сравним потом результаты — гарантирую, что мое описание психического здоровья будет точнее».

Я, конечно, поддразнивала доктора, но ведь я продавала дома, когда он только в школу пошел, и у меня есть свои теории.

Мне нравится, если дом выглядит обжитым. Обычные мелкие «шероховатости» — здоровый признак; а вот дом чересчур аккуратный говорит мне о сердечных неурядицах столько же, сколько и полный беспорядок. Алкоголики, скопидомы, чревоугодники, наркоманы, извращенцы, бабники, депрессивные — всех выдает собственное жилище. Зловоние перегара и сигаретного дыма ощущается, несмотря на переизбыток свечей с ванильным ароматом. Запах животных сочится сквозь щели в полу, пусть даже кошатница и ее любимчики

сехали чуть не год назад. Супружеская спальня, которая теперь его, и захламленная гостиная, которая теперь ее... Идея понятна.

Даже не обязательно заходить в дом, чтобы поставить диагноз; анализа тротуара вполне достаточно. Дом Макаллистеров — прекрасный пример. Честно говоря, я и в самом деле с удовольствием сравнила бы свои наблюдения за Ребеккой Макаллистер с записями Питера. Например, ее депрессия. Как-то в конце мая я проезжала мимо дома Макаллистеров, вскоре после их переезда, — Ребекка в утренней дымке сажала однолетники вдоль дорожки сада. Не было и семи утра, но, судя по виду, Ребекка трудилась уже не один час. На ней была почти белая ночнушка, влажная от пота и осыпанная землей. По улице началось движение, но Ребекка так погрузилась в садоводство, что ей и в голову не приходило надеть что-то более подходящее.

Я остановила машину и поздоровалась. Мы поболтали несколько минут о погоде и о том, как дети привывают к новой школе, но во время разговора я ощутила печаль в том, как Ребекка сажала растения, — скорбь, словно каждый сеянец она опускала в маленькую мотыльницу. И сажала она ярко-красные недотроги-бальзамины. Есть что-то безумное в таком выборе цвета для сада перед домом. Я попрощалась, а когда, отъехав, взглянула на Ребекку в зеркало заднего вида, мне почудилось, что кровавые следы ведут от самого дома до того места, где она преклонила колени.

— Я говорила ей, что все посажу как нужно, но она хотела все сделать сама, — рассказала мне в тот же день на почте Линда Барлоу, ландшафтный дизайнер Макаллистеров. — Думаю, ей тут одиноко. Мужа ее почти не видно.

Линда знала, что это я продала им дом, и, похоже, считала, что я халатно отнеслась к обеспечению акклиматизации одного из новейших чудес Вендовера — Макаллистеров. Венди Хизертон так и называла их — «чудесные Макаллистеры». Собственно, сделку мы провернули вместе с Венди Хизертон. У меня был список домов; у Венди, из «Сотбис», были чудесные Макаллистеры.

— На все требуется время, — сказала я Линде.

— Понятно, — ответила она.

— Венди Хизертон устраивает для них вечеринку на следующих выходных. Там они познакомятся с милыми людьми.

— О да, с милыми и модными людьми, — засмеялась Линда. — Пойдешь?

— Придется. — Разговаривая, я проглядывала почту. В основном счета. Счета и реклама.

— Тебе непросто ходить на вечеринки? Я имею в виду... теперь? — Линда деликатно коснулась моего запястья, стараясь говорить вполголоса.

— Что значит «теперь»? — отрезала я.

— Ничего... Хильди, — запнулась она.

— Ясно. Спокойной ночи, Линда, — сказала я и повернулась, чтобы не показывать, как покраснели мои щеки. Подумать только: Линда Барлоу беспокоится, что мне непросто ходить на вечеринки! Последний раз я видела бедную Линду на вечеринке, когда мы учились в старших классах.

И она еще жалеет Ребекку Макаллистер! Ребекка вышла замуж за одного из богатейших людей Новой Англии, у нее двое милых детей, и живет она в поместье, принадлежавшем когда-то судье Рэймонду Барлоу — родному дедушке Линды. Линда выросла, играя

в этом огромном доме, с прекрасным видом из окон на гавань и острова, но, как зачастую бывает, деньги семьи кончились, недвижимость несколько раз переходила из рук в руки, и теперь Линда жила в квартире над аптекой в Вендовер-Кроссинге. Ребекка платила Линде за то, чтобы та ухаживала за прежними семейными многолетниками — пахучими пионами, ароматными чайными розами, кустами сирени и жимолости и за всеми яркими клумбами лилий, нарциссов и ирисов — их высаживала родная бабушка Линды больше полувека назад.

И если над ее беспокойством обо мне можно просто посмеяться, ее жалость по отношению к Ребекке совершенно абсурдна. Я показываю дома множеству важных людей — политикам, врачам, юристам, даже иногда звездам, — но когда я впервые увидела Ребекку — мы смотрели дом Барлоу, — честно признаюсь, я почти лишилась дара речи. В голову пришла строка из поэмы, которую я помогала дочке учить в школе много лет назад: «Я знал женщину — что за тонкая кость!»

Ребекке было тогда тридцать или тридцать один. Перед показом я погуглила Макаллистера и ожидала увидеть женщину постарше. «Он ей скорее отец», — первое, что я тогда подумала; вот только было у нее в лице что-то мудрое и понимающее, некая ясность, которая обычно появляется у женщин, у которых взрослые дети. У Ребекки темные, почти черные волосы, в то утро затянутые в небрежный хвост. Она пожала мне руку и улыбнулась. Такие женщины обычно улыбаются одними глазами; а глаза казались то серыми, то зелеными. Полагаю, все дело в освещении.

Ребекка в ту пору похудела, однако она от природы хрупкого сложения и не выглядела истощенной. Она была изящна. Она была прекрасна. «Она кругами

двигалась и двигала круги», — из того же стиха, хотя не помню автора; она была из тех женщин, которым изящество достается без усилий, а ты рядом с ними чувствуешь себя уродливой великаншей. Я не толстая, хотя чуть-чуть сбросить не мешало бы. Венди Хизертон стройная, но она прошла через множество липосакций и подтяжек; кого, черт побери, она хотела надуть, когда талдычила об операции на желчном несколько лет назад?

Хорошо известно, что Макаллистеры ухнули целое состояние и целый год на обновление дома Барлоу. Брайан Макаллистер, если кто не знает, — один из основателей «Р. Е. Кервин» — одного из крупнейших в мире хедж-фондов. Он вырос на первом этаже трехэтажки в Южном Бостоне, с четырьмя братьями и сестрой, и к пятидесяти стал миллиардером. Выбери он другую жену, жил бы, наверное, в особняке в Веллесли или Вестоне, с полным штатом слуг, но он женился на Ребекке, которая жила вдали от родителей под присмотром множества слуг и любила все делать сама.

Откуда я столько знаю о Макаллистерах? Конечно, не только по их дому. Мне известно практически обо всем, что происходит в нашем городке. Так или иначе, все вести доходят до меня. Я — старожил; правнучка в восьмом поколении Сары Гуд, одной из обвиненных в колдовстве, осужденных и повешенных в Салеме. Моим клиентам нравится, когда я упоминаю в беседе о том, что я — потомок ведьмы, которую звали Добрая Гуд (да, я всегда смеюсь с ними, как будто мне не приходила в голову ирония, когда они говорят «Добрая старая Гуди Гуд, ха-ха»). И когда упоминаю, что моя семья жила в Салеме, рядом с Вендовером, штат Мас-сачусетс, с 1600-х.

Мой муж, Скотт, повторял, что меня повесили бы как ведьму, живи я в другое время. Верьте — не верьте, но ему казалось, что это своего рода комплимент; и я вполне этому соответствую, особенно теперь, перевалив за средний возраст. Мое имя — Хильда; дети твердят, что это имя ведьмы, все называют меня Хильди. Живу одна; дочери выросли, а мой муж мне больше не муж. Я говорю с животными. Пожалуй, это можно считать подозрительным. И некоторые думают, что у меня есть особое чутье, ментальные способности... Это неправда. Просто я знаю несколько фокусов. И знаю многое о людях — как я уже говорила, меня интересуют чужие дела.

Словом, мое дело — знать дела других. Я — лучший агент по недвижимости в городе, где главные отрасли — антиквариат и недвижимость. Раньше главными были кораблестроение и моллюски, но последние стапели в Вендовере закрылись больше тридцати лет назад. Сегодня у нас те, кто не получает прибыли с новенького хедж-фонда, продают по вздутым ценам недвижимость на побережье — тем, кто получает.

Можно, как прежде, собирать моллюсков — приливные болота за бухтой Гетчелла отличное место, — однако на жизнь так уже не заработаешь. Даже моллюсков для «Знаменитых жареных моллюсков Клема» засыпают в темные чаны с маслом из холодильников, прибывающих из Новой Шотландии. Нет, лучший способ зарабатывать здесь — риэлторская компания: продавать, управлять, улучшать и обслуживать бесценные прибрежные земли, бывшие когда-то болотами и фермерскими хозяйствами, а теперь в журнале «Бостон» названные «Новый Золотой пляж Северного берега».

Оказалось, что Брайан Макаллистер — владелец журнала «Бостон». В день нашего знакомства, когда

я показала ему будущий дом, Брайан ткнул в журнал, лежавший на сиденье машины рядом со мной, и воскликнул:

— Эй, Хильди, у вас мой журнал.

— Правда? О, тогда возьмите, конечно. Мой, значит, где-то еще.

— Нет, — рассмеялся Брайан. — Я — владелец. Журнал «Бостон». Я издатель. Купили с другом в прошлом году.

«Чертова ты шишка, настоящий носорог», — подумала я. Ненавижу богачей. Но произнесла:

— Это один из моих любимых журналов.

Я ведь показывала ему дом за два миллиона долларов, дом, который — я знала точно — его жена в мыслях уже выпотрошила и перестроила заново; покрасила и обставила, провела канализацию и электропроводку и эффектно осветила — за несколько коротких дней после того, как впервые увидела.

— Мы вам организуем хорошую скидочку в разделе рекламы недвижимости, если пожелаете, — предложил Брайан.

— Это было бы здорово, спасибо, Брайан, — ответила я.

И стала ненавидеть его чуточку меньше.

ГЛАВА 2

Венди Хизертон обожает устраивать вечеринки для чудесных клиентов. Так она благодарит их за сделку и заодно знакомит с другими людьми — которых Венди считает чудесными. Ее сын Алекс и его бойфренд Дэниел занимаются приготовлениями. Дэниел — дизайнер по интерьерам, Алекс коллекционирует антиквариат.

Ужин для Макаллистеров они решили провести в саду. Под цветущей магнолией поставили несколько длинных банкетных столов. На ветвях развесили бумажные фонарики. Затем покрыли столы несколькими старинными белыми льняными скатертями Венди и выставили лучшее серебро, фарфор и хрусталь — весьма неожиданно и эффектно для ужина в саду. Ветви пахучей сирени свисали из высоких серебряных ваз. Факелы, источающие цитрусовый аромат, окаймляли дорожку от дома к столам и торчали из земли вокруг столов, чтобы отгонять насекомых. «Волшебно», — повторяли все в один голос Венди, Алексу и Дэниелу. И это была правда.

Хотя вечеринка началась в семь, я появилась только к восьми, потому что больше не пью коктейлей. Я на «реабилитации» и не часто посещаю вечеринки; стараюсь приходить перед самым ужином и откланиваюсь сразу после десерта. На вечеринку у Макаллистеров я пришла одновременно с Питером и Элизой Ньюболдами. Питер, Элиза и их сын Сэм живут в Кембридже, потому что Питер — психиатр в больнице Маклина в Белмонте. В Кембридже у Питера маленькая частная практика — и в Вендове тоже, но сюда он приезжает только по пятницам и иногда по субботам.

Когда мы подходили к крыльцу Хизертонов, Питер тронул меня за плечо и сказал:

— Ну что ж, хотя бы один знакомый на этой вечеринке. — Потом повернулся к жене: — Элиза, ты ведь знаешь Хильди Гуд?

— Нет, Питер, — язвительно ответила Элиза. — Я никогда не слышала о Хильди Гуд.

Питер снимал у меня кабинет, над моей конторой «Недвижимость Гуд», много лет, однако Элизу я

встречала на самом деле всего несколько раз. Она ведет писательские семинары в Кембридже, но, честно сказать, я не помню, что она пишет сама. Может быть, стихи. Сэм, став подростком, отказывается приезжать в Вендовер по выходным; а Элиза, как мне казалось, никогда не хотела сюда приезжать вообще, так что Питер обычно проводил выходные в Вендовере в одиночестве. Он говорил мне, что его это устраивает и что он пишет новую книгу — что-то вроде «Психология сообществ».

Когда мы вошли, молодая девушка проводила нас через гостиную на задний двор, где подавали коктейли, и спросила, что мы будем пить. Питер попросил пиво. Элиза поинтересовалась, какое есть белое вино, и, поморщив носик на два названия, остановилась на «пино гриджио».

Я попросила содовой с долькой лайма.

Мою собственную «интервенцию» мне внезапно устроили почти два года назад дочки, Тесс и Эмили, милые крошки. Эмили живет в Нью-Йорке, а Тесс — неподалеку, в Марблхеде, в двадцати минутах отсюда. Одним холодным ноябрьским вечером Тесс и Майкл, мой зять, пригласили меня на ужин. Их сын Грейди был тогда совсем маленьким, и я с нетерпением предвкушала визит. Тесс немного отдалилась после рождения сына — отдалилась от меня, я имею в виду; с ними все время была мать Майкла, Нэнси.

— Я бы с удовольствием посидела с Грейди, — повторяла я Тесс без устали. — Вы с Майклом можете сходить на ужин или в кино. Оставьте Грейди со мной.

— Нэнси живет в Марблхеде, тебе не стоит тащиться в такую даль, — отвечала Тесс.